

Маликов Александр Капитонович

На задворках фабрики

Край без будущего

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Капитонович М.**
На задворках фабрики: Край без будущего / Маликов Александр Капитонович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 243 с.

ISBN 978-5-519-95038-1

ISBN 978-5-519-95038-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Ну, можетъ быть и въ правду,—подумалъ я и рѣшилъ побывать еще разъ.

Гарусовъ, дѣйствительно, ждалъ, принялъ меня съ извиненіями, а затѣмъ перешелъ къ дѣлу. Онъ объяснилъ мнѣ, что около его фабрики есть земля подъ фермой, что цѣль и назначеніе этой фермы, помимо ея прямого дѣла, заключается и въ томъ, чтобы по возможности очистить фабрику отъ скопленія всякихъ вредныхъ отбросовъ и нечистотъ и утилизировать послѣдніе. На фермѣ же должна устроится и метеорологическая станція.

— Жалованья я могу предложить вамъ столько-то,—просто объявилъ мнѣ Гарусовъ,—и, кромѣ того, конечно, право пользованія всѣми продуктами фермы. Согласны вы на эти условія?

Условія эти дѣйствительно были очень хорошія. Цифра объявленнаго вознагражденія по сравненію съ количествомъ земли, числящейся при фермѣ, была даже черезъ чуръ высока и потому должна была ложиться тяжелымъ бременемъ на доходность земли. На всякій случай я замѣтилъ ему это.

— Да! Я знаю,—отвѣтилъ онъ.—Но что же дѣлать? Меньше вамъ предложить нельзя, а впослѣдствіи мы, можетъ быть, съ вами что-нибудь и придумаемъ на счетъ расширенія хозяйства... Впрочемъ,—прибавилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы,—вы, можетъ быть, взяли бы еще на себя завѣдываніе электрическимъ освѣщеніемъ на фабрикѣ?

Я съ изумленіемъ взглянулъ на него и заявилъ, что это дѣло вовсе не моя спеціальность.

— Да какая тамъ спеціальность,—возразилъ онъ благодушно.—Просто пустяки. У насъ теперь вонъ за нимъ простой слесарь наблюдаетъ. Ну, прочтите кой-что объ этомъ... Знаете, по-американски,—засмѣялся онъ.

Я наотрѣзъ отказался.

— Напрасно, напрасно,—повторялъ добродушно хозяинъ,—дѣло самое пустое...

Тѣмъ не менѣе всѣ переговоры были закончены, соглашеніе состоялось, и черезъ два дня я вмѣстѣ съ Гарусовымъ отправился на его фабрику.

Нѣсколько часовъ проведенныхъ въ вагонѣ съ глазу на глазъ съ Герасимомъ Ивановичемъ Гарусовымъ, дали мнѣ

возможность нѣсколько приотрѣться къ нему. Это былъ добродушный, нѣсколько ожирѣвшій человѣкъ, перевалившій далеко за средніе года. Онъ былъ простъ въ обращеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушно вѣжливъ. Говорилъ хорошимъ русскимъ языкомъ, безъ лишнихъ вычуръ и книжности. Не блистая начитанностью, Гарусовъ, однако, много видѣлъ и слышалъ и свое дѣло, кажется, зналъ хорошо. Шестидесятые года, захватившіе его въ періодъ молодости, повидимому, оставили замѣтный слѣдъ на его внутреннемъ складѣ. Благодаря вліянію этой эпохи, онъ стоялъ за народное образованіе, за свободу печати; словомъ, слылъ за капиталиста-либерала. На сколько все это было въ немъ глубоко, сказать, конечно, трудно. Скорѣе всего въ основѣ этихъ наклонностей и вкусовъ Герасима Ивановича лежало его природное благодущіе, а можетъ быть, и нѣкоторая доля невиннаго тщеславія, окрашеннаго въ прочный цвѣтъ просвѣщеннаго руссійскаго патріотизма. Между прочимъ Герасимъ Ивановичъ съ скромной гордостью объявлялъ, что въ свое время онъ одинъ изъ первыхъ положилъ на своей фабрикѣ начало русской школѣ техникувъ, изгоняя постепенно оттуда всякихъ иностранныхъ мастеровъ. Одновременно съ этимъ онъ горячо принялся и за устройство школъ. Помимо фабричной школы, на его средства содержались еще 6 или 7 по деревнямъ. Школы эти были обставлены прекрасно, онѣ были просторны, свѣтлы, снабжены хорошими библіотеками и разными пособіями, а учительницы получали хорошее вознагражденіе. Въ то же время Гарусовъ помогалъ и кой-кому изъ молодыхъ людей, давая имъ средства учиться, и дѣлалъ это довольно скромно. Впослѣдствіи, когда времена поизмѣнились и школы были взяты, какъ будто въ подозрѣніе, а нѣкоторыя пособія и даже учебники были изъяты изъ обращенія, Герасимъ Ивановичъ хотя не прекратилъ пособій, но усвоилъ себѣ, когда заходила рѣчь „о школьномъ дѣлѣ“,—какую-то особенную, снисходительно скептическую улыбку.

— Помилуйте,—говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ, небрежно махая рукой,—да развѣ у насъ возможно развиваться самостоятельно живому дѣлу: сейчасъ няньку приставятъ.

Снисходя все къ тому же духу времени, пытался Герасимъ Иванычъ когда-то сдѣлаться и меценатомъ, давая средства на изданія и разныя изслѣдованія. Но, когда и въ этомъ направленіи „духъ“ сталъ замѣтно изсякать, Гарусовъ благодушно, но съ сознаніемъ исполненнаго долга подтрунивалъ надъ этими начинаніями и перешелъ къ собиранію картинъ, затѣмъ, къ устройству коннаго завода и т. д. Словомъ, Герасимъ Иванычъ служивался и тускиѣлъ параллельно съ вѣяніями времени. Катилися подъ горку всякія благія чаянія, ускользала старая почва, мѣнялись около него люди, и самъ Гарусовъ облѣнивался и проникался равнодушіемъ. По натурѣ онъ остался все тѣмъ же благодушнымъ и добрымъ человѣкомъ, но судьба, такъ сказать бросила его съ этимъ благодушіемъ на подорогѣ. Раздѣланнаго, такъ сказать, въ одномъ направленіи, не совершенно додѣланнаго въ другомъ, время привело его къ третьему, гдѣ уже онъ ничего не нашелъ, кромѣ всеобщаго недоумѣнія. Въ такомъ положеніи ему приходилось пробавляться уже почти исключительно за счетъ своего благодушія. Онъ и теперь еще держался либеральныхъ воззрѣній, дружилъ съ нѣкоторыми изъ представителей этого направленія въ литературѣ, иронизировалъ насчетъ „нашего жалкаго самоуправленія“, а отчасти даже и всего чиновничества, что не мѣшало ему, хотя и скромно, безъ особенно громкихъ словъ, поддерживать всѣ ходатайства о повышеніи покровительственнаго тарифа. Съ начальствомъ онъ всегда былъ какъ-то въ ладахъ и порой при упоминаніи какой либо особы или литературнаго имени,—любилъ вставить съ характерной манерой россійскаго коммерсанта:

— Да-съ! Не мало мы съ нимъ выпили красненькаго!.. Кажется, къ сожалѣнію, что это „красненькое“ составляло теперь чуть-ли не главную суть общественнаго призванія Герасима Ивановича. Но, какъ бы тамъ ни было,—не смотря на начинающееся уже ожирѣніе и скуку жизни, все же въ концѣ концовъ Гарусовъ былъ всетаки богатъ, независимъ и потому по своему счастливъ, что давало ему право выражать иногда на своей нѣсколько оплывшей фізіономіи не то добродушную снисходительность и лѣнивое утомленіе, не то легкое разочарованіе много видѣвшаго человѣка.

— Да, все-то, все, милостивые государи мои, мы уже перевидали и отъ всего вкусили!..

Поздно, чуть не ночью, пріѣхали мы на станцію. Фабрика была тутъ же въ виду. Подъѣхала коляска, и мы бойко помчались по шоссе. Стояла холодная осенняя ночь, темная, непривѣтливая. По среди этого мрака огромный ткацкій корпусъ лилъ черезъ каждое свое окно снопы яркаго электрическаго свѣта; этотъ корпусъ гудѣлъ своими машинами, щелбалъ станками и казался какимъ-то живымъ фантастическимъ существомъ. По другую сторону тянулись въ линію малыя и большія деревянныя зданія. По мѣрѣ того, какъ они бѣжали мимо насъ, хозяинъ говорилъ: „школа, больница, казармы“ и т. д.

— Ну, а вотъ и наше обиталище,—докончилъ онъ, когда лошади остановились у крыльца скромнаго одноэтажнаго деревяннаго дома. Въ немъ все было просто: стѣны бревенчатыя, безъ всякой оклейки, самая необходимая простая мебель, кой-какіе цвѣты по окнамъ, да фотографическіе виды фабрики по стѣнамъ,—вотъ и все. Домъ этотъ представлялъ собственно нѣчто въ родѣ гостиницы для пріѣзжающихъ на фабрику, и мы, пожелавъ другъ другу покойной ночи, разошлись по своимъ комнатамъ.

На утро, уже къ чаю явился и глава фабричной администраціи, какой-то юркій, рыжій и одноглазый господинъ съ еврейской фамиліей.

— Ксаверій Эдуардовичъ Гиршфельдъ,—отрекомендовалъ мнѣ хозяинъ...—Онъ покажетъ вамъ ваши будущія владѣнія.

Черезъ полчаса легкая телѣжка подъѣхала къ крыльцу, и г. Гиршфельдъ предложилъ мнѣ тронуться въ путь.

На крыльцѣ и около него толпилось человекъ съ 15 разнаго бѣднаго люда, пришедшаго въ сильное движеніе при нашемъ появленіи и встрѣтившаго насъ поклонами. Эта бѣдность изъ деревень пришла за пособіями къ пріѣхавшему хозяину.

— Ну вы,—разступитесь,—сказалъ Гиршфельдъ, отстраняя какую-то старуху.—Герасимъ Ивановичъ у насъ благодетель,—сказалъ онъ мнѣ на ходу, и въ его тонѣ я не могъ разобрать: похвала это или сарказмъ.

Днемъ фабрика показалась мнѣ гораздо хуже, чѣмъ вче-

ра ночью. Темная и мрачная линия двухъ-этажныхъ рабочихъ казармъ, непривѣтливое, холодное утро, мертвый шумъ машинъ и какой-то особый промозглый фабричный воздухъ, переполненный дымомъ и мѣзмами — все это производило какое-то угнетающее впечатлѣніе.

Ферма, по словамъ Гиршфельда, начиналась сейчасъ тутъ же за фабрикой; надо было только переѣхать небольшую рѣчку и лугъ; но напрасно искалъ я ее глазами. Правда, за рѣчкой, среди голаго, десятинъ въ 20, пригорка, торчало какое-то старое деревянное строеніе, печально осѣвшее на одинъ бокъ; рядомъ съ нимъ нѣчто въ родѣ амбарчика, а сзади выглядывала еще ветхая соломенная крыша. Впрочемъ, тамъ и сямъ по голому пригорку возвышались поставленные конусомъ длинныя жерди, служація при выстилкѣ ситца. Неимовѣрнымъ уныніемъ и безпріютностью дышало отъ этого пригорка и этихъ черныхъ развалинъ, около которыхъ не ютилось даже ни единого кустика.

— Ну, вотъ-съ—заговорилъ мой спутникъ, указывая на всю площадь,—вотъ это бѣльникъ *), а это такъ называемая старая контора, по всей вѣроятности, ваша будущая квартира. Впрочемъ, не знаю, можетъ быть Герасимъ Ивановичъ назначить вамъ другую,—поправился онъ.

— Развѣ въ этой развалинѣ можно жить?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Отчего-же...—спокойно отвѣтилъ онъ,—въ ней живутъ даже и теперь. Вотъ мы зайдемъ съ вами и посмотримъ.

Тамъ, дѣйствительно, жили, да еще цѣлыхъ двѣ семьи. Очень мнѣ напомнилъ этотъ домъ тѣ, нерѣдко встрѣчающіяся въ нашихъ захолустныхъ городишкахъ, развалины, гдѣ доживаютъ свой вѣкъ какіе-нибудь старые, заморенные люди, не знающіе не рухнетъ-ли ихъ ветхое обиталище ранѣе, чѣмъ оборвется ихъ захирѣлая жизнь.

Молча осмотрѣлъ я это помѣщеніе, молча и вышелъ. Зашли, однако, и въ амбарчикъ, преобразенный не то въ кладовую, не то въ курятникъ; побывали и на скотномъ дворѣ, соломенная крыша котораго видна была еще издали. Это

*) Лугъ, на которомъ выстилаются миткаль и ситцы для отбѣлки и проявленія большей яркости въ краскахъ

была такая же гниль, съ двумя вросшими въ землю избями впереди и съ открытымъ дворомъ сзади. Все это грозило разсыпаться прахомъ. Посреди двора въ ямѣ, наполненной навозной жижей и еле прикрытой постилкою, толклись по брюхо въ грязи съ десятокъ тощихъ коровенокъ. Вѣтеръ гулялъ повсюду: и на скрюченныхъ отъ холода животныхъ, и по всѣмъ закоулкамъ двора, и по его жалкой крышѣ, гдѣ сердито отрывалъ остатки полусгнившей соломы.

— Ну, вотъ вамъ и вся ферма, — молвилъ мой путеводитель.

— Такъ вотъ это вы называете фермой? — спросилъ я, растерянно тыкая пальцемъ по направленію всего этого убожества.

Утвердительно кивнувъ головой, мой спутникъ вразумительно и кратко добавилъ:

— Больше ничего нѣтъ-съ. Ахъ, впрочемъ, извините, есть еще молотильный сарай, мы его увидимъ по дорогѣ, — спохватился онъ.

— Надъ чѣмъ-же и съ чѣмъ тутъ хозяйничали? — спросилъ я, окончательно сраженный всѣмъ, что было передъ моими глазами.

— Да съ тѣмъ, что вы видите, — отвѣтилъ онъ усмѣхаясь. — Да! орудія вотъ здѣсь, — указалъ онъ и толкнулъ дверь въ какой-то чуланъ. Тамъ оказались два старыхъ плуга и одна поломанная борова-зигзагъ.

Я молчалъ. молчалъ и мой спутникъ, явно желавшій дать мнѣ время на размышленіе о всемъ видѣнномъ.

— Ну-съ, — проговорилъ онъ, нѣсколько выждавъ, — кажется интереснаго мало... Можетъ быть, двинемся дальше?..

— Двинемся, — отвѣтилъ я покорно.

Посмотрѣли и на молотильный сарай, сколоченный изъ горбылей и сквозившій, какъ рѣшето; стоялъ онъ чуть не въ болотѣ. Никакой молотилки въ немъ, впрочемъ, не оказалось.

— Кажется, занимали у крестьянъ, — замѣтилъ Гиршфельдъ небрежно, — право, не знаю хорошенько; да впрочемъ, и то сказать: молотить было нечего...

По дорогѣ онъ еще повѣдалъ мнѣ, что до сихъ поръ фермою завѣдывалъ родственникъ хозяина (учитель русскаго

языка, вскользь бросилъ онъ), что у этого завѣдующаго былъ даже приказчикъ; но за то ни одного постоянного рабочаго и ни одной лошади. Первыхъ брали, когда нужно поденными, а вторыхъ съ фабрики.

— Что же тутъ сѣяли, какой былъ сѣвооборотъ? — допытывался я.

— Ни-и-чего не могу вамъ сказать, — отвѣчалъ Гиршфельдъ: — знаю только, что сѣяли и овесъ и клеверъ, сажали картошку и огородъ разводили, но ничего изъ этого не выходило: картофель въ рѣчку свалили, потому что весь сгнилъ, сѣно тоже погнило. Ну, да, впрочемъ, сами увидите сейчасъ!

И дѣйствительно. При объѣздѣ полей видно было, что кой-гдѣ что-то сѣяли, но уже навѣрняка въ житницы не собирали. Всѣ эти поля были въ невозможномъ видѣ: большинство ихъ было неимоверно залито такъ называемымъ золотомъ, и съ нихъ несло страшное зловоніе; мѣстами цѣлыя площади, десятины въ 5—6, были завалены какими-то большими бѣловатыми грудями. Впрочемъ, уже издали, по запаху, можно было догадаться, что это была хлористая известь; въ другихъ мѣстахъ высились кучи золы, щебня и всякаго мусора, даже на клеверномъ полѣ пестрѣли эти кучи.

— Это зачѣмъ-же еще навозили сюда? — спросилъ я Гиршфельда.

— Какъ зачѣмъ? Для удобренія полей, — отвѣтилъ онъ, усмѣхнувшись и мелькнувъ по мнѣ своимъ одинокимъ глазомъ.

— Хлористой-то известью удобрять?.. Чья же это идея? .

— По всей вѣроятности вашего предмѣстника... Ну, хозяинъ и велѣлъ... Ну-съ, — оборвалъ онъ, видимо не желая почему-то распространяться на эту тему, — вотъ вамъ и наша плантація капустаная!..

— Гдѣ? — спросилъ я, оглядываясь съ удивленіемъ.

— Ахъ, Боже мой. Да вонъ внизу, — показывалъ рукою Гиршфельдъ, съ пригорка, на которомъ мы стояли въ эту минуту.

— Но я ничего не вижу, кромѣ пластовъ глины, да какихъ-то тычекъ.

— Вотъ это и есть капуста, — подтвердилъ онъ.

Мы спустились съ горки, и удивленію моему не было конца. Дѣйствительно, на вывороченныхъ чрезвычайно глубокой вспашкой пластахъ глины торчали рядами какіе-то чахлые вѣнички, въ родѣ переросшей разсады.

— Скажите, пожалуйста, — обратился я къ Гиршфельду, — и этимъ дѣломъ тоже руководилъ мой предмѣстникъ?

— А какже иначе? — отвѣчалъ онъ. — Руководилъ, да еще какъ! Мало-ли тутъ труда-то положено было. Сначала всю эту площадь заливали золотомъ, а затѣмъ въ два плуга одной бороздой шли, такъ что полмужика въ борозду уходило; ну-съ, а затѣмъ разсаду по гребнямъ садили, поливали чуть не все лѣто, а собирать, какъ видите, нечего.

— Вѣдь онъ тутъ всю подпочву вывернулъ, — замѣтилъ я.

— Должно быть, находилъ полезнымъ .. Съ книжками и по полямъ-то ходилъ, — съ невинно равнодушнымъ видомъ замѣтилъ Гиршфельдъ. — При мнѣ спрашивалъ у дураковъ рабочихъ: видали-ли они когда такую глубокую пахоту?

— Ну? — спросилъ я, невольно засмѣявшись.

— Нѣтъ, ваше благородіе, — говорятъ мужики, — не приходилось еще нигдѣ. То-то! глядите, да и учитесь, дураки! — И мой спутникъ опять мелькнулъ по мнѣ своимъ глазомъ.

За капустной плантаціей, — какъ язвительно обозвалъ ее Гиршфельдъ, — тянулось цѣлое поле овса, все еще зеленого, полеглаго и уже смерзшагося. Какъ видно, это поле было черезчуръ залито удобреніемъ, и потому овесъ только тянулся, нѣжился и, наконецъ, зеленый еще повалился и замерзъ. Еще дальше лежало клеверное поле, на которомъ чернѣли кучи сгнившаго клевера второго укоса, въ перемежку съ битымъ кирпичемъ и всякимъ мусоромъ.

— Отчего-же, — спросилъ я, указывая на овесъ и клеверъ — все это на зеленый кормъ не убрали или не засилосовали?

Гиршфельдъ пожалъ только плечами.

Дальше все было въ томъ-же родѣ, т. е. загажено до крайности и повсюду стояла смертельная вонь.

Вдоль луга, по небольшому оврагу протекала рѣчка. Въ верхнемъ своемъ теченіи, до фабрики она была чиста и прозрачна, а ниже ея уже катилась красная и вонючая въ безобразно загаженныхъ берегахъ и верстъ на 12 въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи распространяла зловоніе и заразу.

Никакого живого существа тутъ уже въ ней не водилось, ибо фабрика спускала здѣсь свои ядовитые отбросы.

— Скажите, пожалуйста,—обратился я къ Гиршфельду,—развѣ крестьяне по владѣніямъ которыхъ протекаетъ рѣчка, не протестуютъ противъ порчи воды? Вѣдь тутъ полная за-
раза: водой пользоваться нельзя...

Гиршфельдъ оглянулъ меня.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—никакихъ протестовъ не слышно. Имъ фабрика, вѣдь, колодцы вырыла.

— Но развѣ колодцы могутъ замѣнить рѣку? А пропажа рыбы? Наконецъ, развѣ полиція не придирается къ фабрикѣ за это и не требуетъ, на примѣръ, устройства фильтра?—допытывался я.

— Помилуйте! съ какой стати она будетъ придираться, когда молчатъ сами крестьяне? Вѣдь, вы не забывайте, что фабрика болѣе 4 тысячъ народу кормить, и все это крестьяне почти нашего округа. Кто же будетъ спорить?.. Что же касается до устройства фильтра, то онъ стоитъ не менѣе 150 тысячъ,—внушительно закончилъ Гиршфельдъ.

It is rason!—какъ говорятъ американцы,—подумалось мнѣ.

Обзоръ нашъ кончился. Уже сильно вечерѣло, когда мы тронулись обратно къ хозяйскому дому. Надъ рѣчкой поднимался зловонный туманъ, съ полей несло еще большее зловоніе. Вообще картина не веселила. У меня просто сердце сжалось: такъ тяжело было видѣть природу—эту чистую и деревенскую, влекущую къ себѣ Божью природу, такой обезображенной и поруганной человѣкомъ. Такъ и чувствовалось, что это дѣло грѣшное и неправое; что и самъ-то человѣкъ несетъ тутъ какое-то великое наказаніе. Точно проклятіе какое тяготѣетъ надъ всѣмъ этимъ безобразіемъ,—подумалось мнѣ, и не то уже отъ этой мысли, не то отъ прохватывающей насквозь сырости у меня даже мурашки пробѣжали по кожѣ.

Хорошъ былъ только еловый лѣсъ, черной каймой окружавшій все это безобразіе, а также и видъ на фабрику.

Сквозь туманъ за рѣчкой засвѣтились уже огни въ небольшихъ домахъ старшихъ служащихъ. Эти дома тянулись вдоль рѣчки, окруженные ольхой и рѣдкими елями, а за ними высились фабричныя корпуса и зажигались уже сотнями яркихъ

огней. Эти корпуса поднимались гордо и величественно, словно фантастическіе дворцы или замки современных барочовъ... но туманъ становился все гуще и гуще и надвигался удушливой и медленно ползущей поленой и на блистательные замки, и на насъ, стоявшихъ на этой сторонѣ.

— А здѣсь должно быть лихорадокъ и тифовъ не мало,—проговорилъ я съ дрожью въ голосѣ, чувствуя, какъ меня всего прохватываетъ эта гнилая сырость.

— Бываетъ,—лаконически отвѣтилъ Гиршфельдъ.

II.

Когда мы возвратились, у хозяина уже былъ накрытъ столъ и насъ ждали къ обѣду. Въ комнатахъ толклось много народа.

— Господа!—представилъ меня Гарусовъ,—нашъ новый агрономъ, работалъ за границей въ W,—прибавилъ онъ не безъ нѣкотораго желанія щегольнуть новымъ товаромъ.

Цѣлая толпа жала мнѣ руку и весело заявляла, что теперь, при моемъ хозяйствѣ, можно надѣяться, что она очутится прямо на лонѣ деревенской природы, тутъ же сейчасъ за фабрикой,

— А то вѣдь мы задохлись совсѣмъ,—прибавляли нѣкоторые изъ нихъ,—выйди некуда.

Все это были директора фабрики, народъ большею частью молодой, вышедшій изъ нашихъ высшихъ техническихъ заведеній, отчасти русскіе, отчасти восточные люди; словомъ, это были представители той россійской технической школы, созданіемъ которой такъ гордился хозяинъ.

Держались они съ нимъ запросто и видимо свободно.

— Ну-съ, посмотрѣлись вы, Николай Павловичъ, на свои будущія владѣнія,—заговорилъ весело хозяинъ.—Какъ же они вамъ показались?

— Не скажу, чтобы можно было очароваться ими,—отвѣчалъ я въ томъ же тонѣ.

— Что же такъ?—смѣялся Гарусовъ,—по правдѣ вамъ сказать, я никогда и не заглядывалъ на поля, и вообще, что тамъ творилось, совершенно не вѣдаю. Знаю только одно,